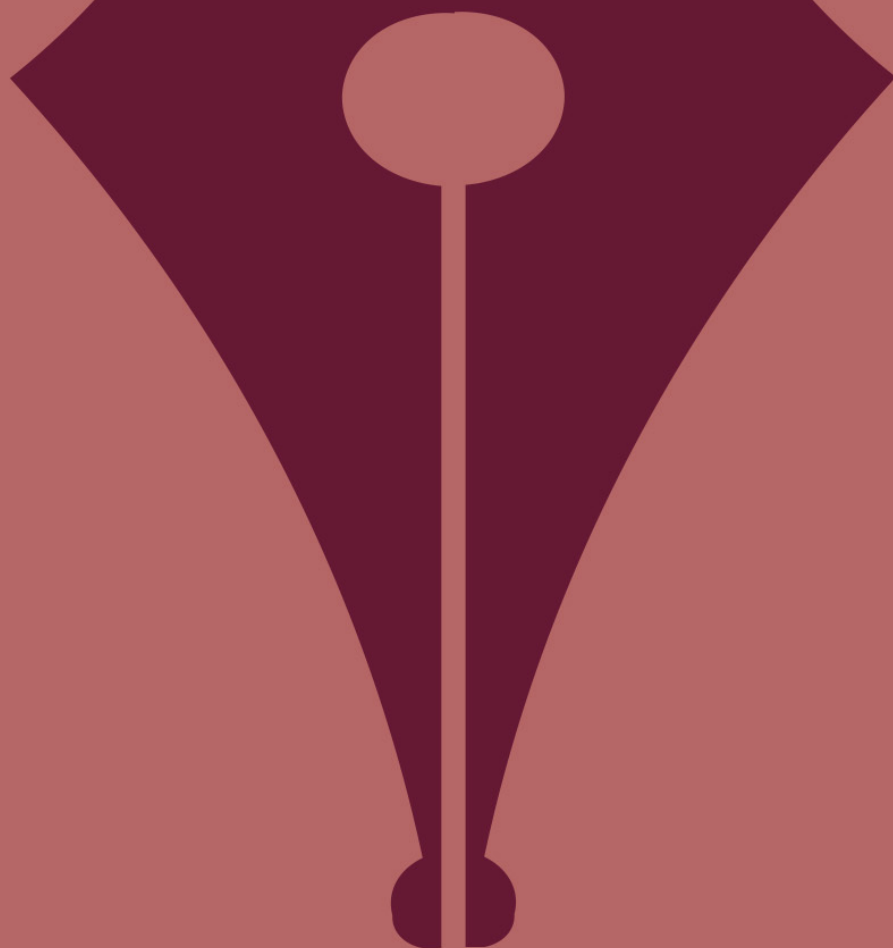

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

ГРЁЗЫ В
ВЕДЬМОВСКОМ ДОМЕ

Мифы Ктулху

Говард Лавкрафт

Грезы в ведьмовском доме

«ЭКСМО»

1933

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Грезы в ведьмовском доме / Г. Ф. Лавкрафт — «Эксмо»,
1933 — (Мифы Ктулху)

Говард Филлипс Лавкрафт совершил революцию в литературе ужаса, сместив центр ее внимания с обычного земного мира на огромную, неизвестную, безразличную вселенную, существующую за пределами человеческого понимания. Писатель взял обычный мир и привнес в него нечто темное и потустороннее. В своих рассказах Лавкрафт смешал обыденную действительность и вселенский кошмар, показал столкновение простого человека с непостижимыми, а порой и смертельно опасными созданиями.

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Лавкрафт Г. Ф., 1933
© Эксмо, 1933

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Говард Филлипс Лавкрафт

Грезы в ведьмовском доме

Серия «Pocket book»

Серия «100 главных книг»

В оформлении обложки использована иллюстрация: Grandfailure / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

© Володарская Л., перевод на русский язык. Наследник, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Уолтер Джилмен не мог сказать, являлись ли его сны следствием болезни или ее причиной. Все происходившее с ним таило в себе нечто ужасное, порочное, наполнявшее душу гнетущим страхом, который исходил, казалось, от каждого камня старинного города, и более всего – от ветхих стен мансарды древнего дома, что издавна прослыл в округе нечистым: здесь, в убогой комнатке, проводил Джилмен свои дни: писал, читал, бился с длинными рядами цифр и формул, а по ночам – метался в беспокойном сне на обшарпанной железной кровати. В последнее время слух его обострился до необычайной степени, и это причиняло невыносимые страдания – даже каминные часы пришлось остановить: маятник гремел, как артиллерийская батарея. По ночам едва различимые голоса далеких улиц, зловеющая возня крыс за изъеденными червями стенами и скрип рассыхающихся балок где-то наверху сливались в один грохочущий ад. Темнота всегда приносила с собой множество звуков – Джилмен почти свыкся с ними, но все же вздрагивал от ужаса при мысли о том, что однажды привычный шум может стихнуть, уступая место иным звукам, которые – подозревал он – до времени таятся в обычном грохоте.

Джилмен поселился в древнем Аркхеме, где, казалось, остановилось время и люди живут одними легендами. Здесь повсюду в немом соперничестве вздымаются к небу островерхие крыши; под ними, на пыльных чердаках, в колониальные времена скрывались от преследований Королевской стражи аркхемские ведьмы. Но не было в жуткой истории города места, с которым связывалось бы больше страшных воспоминаний, чем с той самой комнатой в мансарде, что послужила приютом Уолтеру Джилмену; именно эта самая комната в этом самом доме приняла когда-то в свои стены старую Кецию Мейсон, ту, чей побег из Салемской тюрьмы так и остался загадкой для всех. Это последнее происшествие имело место в 1692 году. Тюремный надзиратель в ту ночь сошел с ума и с тех пор непрерывно бормотал нечто нечленораздельное о каком-то косматом животном с белыми клыками, якобы выбежавшем из камеры, где содержалась Кеция. На стенах помещения тогда же были обнаружены странные рисунки, нанесенные липкой красной жидкостью и изображающие углы и многоугольники, истолковать смысл которых был не в состоянии даже высокоученый Коттон Мазер¹.

Видимо, Джилмену все же не следовало так много заниматься. Изучение таких дисциплин, как неэвклидова геометрия и квантовая физика, само по себе является достаточно серьезным испытанием для разума; когда же эти науки безрассудно совмещают с древними преданиями, пытаясь отыскать черты необычайной многомерной реальности в тумане готиче-

---

¹ Коттон Мазер (1663–1728), воинствующий пуританский богослов из Массачусетса, проповедник религиозной нетерпимости. Автор трудов «Достопамятное провидение, касательно ведовства и одержимости», «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» и др., в которых доказывалась реальность колдовства.

ских легенд или просто в таинственных старых сказках, что шепотом рассказывают темными вечерами у камина, – тогда умственное перенапряжение почти неизбежно. Юность Джилмена прошла в Хейверхилле; только после поступления в Аркхемский университет он постепенно пришел к мысли о некоей внутренней связи избранного им предмета, математики, с фантастическими преданиями о древних магических таинствах.

Сама атмосфера дышащего стариной Аркхема каким-то непонятным образом воздействовала на воображение юноши. Внимательные к одаренному студенту университетские преподаватели настоятельно советовали ему «несколько поубавить пыл», с которым он отдавался учебе, и пошли даже на то, чтобы сократить для него обязательный курс наук. Кроме того, Джилмену было запрещено пользоваться некоторыми книгами весьма сомнительного, а подчас и явно запретного содержания, что хранились под замком в подвалах университетской библиотеки. К несчастью, эта последняя мера предосторожности запоздала: к тому времени Джилмен уже получил достаточно мрачное представление об ужасающих откровениях «Некрономикона» Абдула Альхазреда, дошедшего до нас в отрывках, «Книги Эйбона», и запрещенного исследования фон Юнц-та «Сокровенные культы». Одних неясных намеков и беглых упоминаний оказалось достаточно для сопоставления с абстрактными математическими формулами, что абсолютно по-новому освещало свойства вселенной и взаимодействие известных и неизвестных нам измерений пространства.

Джилмен знал, конечно, что живет в пресловутом ведьмовском доме; собственно, именно поэтому он и снял здесь комнату. В архивах графства Эссекс сохранилось немало документов о судебном процессе над Кецией Мейсон. Ее признания, сделанные, впрочем, явно под давлением высокого суда, произвели на юношу совершенно необычайное впечатление. Обвиняемая заявила судье Гаторну, что ей известны некие геометрические фигуры, точнее, прямые и искривленные линии, определенные сочетания которых могут указывать направления «выхода из пределов этого пространства». Подсудимая Мейсон дала также понять, что названные ею фигуры служат для «перехода в другие миры», и не стала отрицать, что вышеуказанные линии нередко использовались на ночных собраниях, а вернее сборищах, проходивших либо в долине Белого Камня, что находится по ту сторону холма Медоу-Хилл, либо на пустынном островке, лежащем посередине реки в пределах городской черты. Названная Мейсон, кроме того, дала показания о некоем Черном человеке, о принесенных ею клятвах и о своем новом тайном имени Нахав. Вскоре после этого она начертила на стенах своей камеры уже упоминавшиеся фигуры и бесследно исчезла.

Странные фантазии будоражили воображение Джилмена, когда он думал о Кеции Мейсон; когда же юноша узнал, что дом, дававший приют старой колдунье более двух с половиной веков назад, по-прежнему стоит на узкой улочке в центре Аркхема, его охватил необъяснимый трепет. Наконец, ушей Джилмена достигли и те из аркхемских легенд, что горожане осмеливались передавать только шепотом. В необычайных этих историях утверждалось, что Кецию Мейсон и по сей день видят в ее старом доме и на близлежащих улицах; что по утрам жильцы этого дома и прилегающих особнячков неоднократно обнаруживали у себя на теле неровные следы укусов, причем отпечатки зубов по форме удивительно напоминали человеческие; что в канун первого мая и в День Всех Святых многие аркхемцы слышали приглушенные детские крики, а когда эти дни, издревле внушавшие горожанам неподдельный ужас, проходили, вблизи дома старой ведьмы появлялся отвратительный запах, исходивший откуда-то с чердака; наконец, говорили, что в ветшавшем на глазах ведьмовском доме, как, впрочем, и в некоторых других местах, незадолго перед рассветом появляется неизвестный косматый зверек небольших размеров с необычайно острыми зубками, и если ему попадается случайный прохожий, то он с любопытством обнюхивает его. Наслушавшись таинственных историй, Джилмен решил любой ценой поселиться в ведьмовском доме. Это оказалось несложно: дом пользовался дурной славой, и желавших снять его целиком не находилось; тогда здание разбили на дешевые

меблированные комнаты. Джилмен не смог бы объяснить, что он ожидал найти в своем новом жилище, но ему непременно нужно было попасть туда, где в силу каких-то неизвестных ему обстоятельств пожилая городская обывательница из XVII столетия была наделена – вероятно, неожиданно для нее самой – способностью проникать в такие глубины математики, каких, быть может, не достигал умственный взор столь выдающихся мыслителей современности, как Планк, Гейзенберг, Эйнштейн и де Зиттер.

Джилмен внимательно обследовал чуть ли не весь дом, разыскивая под отставшими обоями на оштукатуренных и деревянных стенах хоть какие-нибудь следы тайных знаков; уже через неделю ему удалось получить ту самую комнату в мансарде с восточной стороны здания, где, как полагали, Кеция предавалась своим магическим занятиям. Это помещение, собственно, никто и не снимал – да и кому захотелось бы надолго оставаться в такой комнате! – и все же владелец дома, поляк, предоставил ее Джилмену с большой неохотой. Однако и здесь с новым жильцом ничего особенного не происходило – до того самого времени, когда обнаружились первые признаки его болезни. Призрак Кеции не спешил явиться в мрачных залах и комнатах старого дома, косматый зверек не вползал украдкой в унылые покои Джилмена, чтобы обнюхать его, а предпринятые новым жильцом настойчивые поиски не увенчались успехом – ему не удалось обнаружить каких бы то ни было следов магических формул старой ведьмы. Иногда юноша предпринимал долгие прогулки по тенистым хитросплетениям немощеных, пахнувших плесенью переулков старого города; побуревшие от времени жуткие глыбы домов, не имевших, казалось, возраста, склонялись над его головой, словно грозя обрушиться вниз, и с издевкой бросали на него злобные взгляды узких подслеповатых оконцев. Здесь, думал Джилмен, когда-то проходили поистине ужасные события; ему казалось порой, что доступное поверхностному взгляду таит в себе неопределенный намек на то, что страшное прошлое еще не полностью умерло и, возможно, где-нибудь, пусть в самых темных, узких и извилистых переулках старого города продолжает жить прежней жизнью. Джилмен дважды побывал и на лежавшем посередине реки острове, что вызывал столько суеверных толков в городе. Там он сделал зарисовки необычных фигур, образуемых рядами серых, поросших мхом камней, расставленных неведомой рукой в туманном прошлом, которое не оставило никаких иных следов в памяти людей.

Комната Джилмена представляла собой помещение довольно внушительных размеров и имела при этом весьма необычную форму: северная ее стена имела явный наклон внутрь, к северу же был скошен и низкий потолок. В наклонной стене Джилмен обнаружил небольшое отверстие с неровными краями – несомненно, ход в крысиную нору – и еще несколько таких же отверстий, но уже тщательно заделанных; отсутствовали малейшие признаки того, что имеется – или хотя бы имелся ранее – какой-нибудь доступ в пространство между наклонной стеной комнаты и совершенно прямой внешней стеной здания: взглянув на дом снаружи, легко было убедиться, что там когда-то имелось и окно, заложенное, впрочем, уже очень давно. Также совершенно недоступной оказалась и та часть чердака, которая находилась над комнатой Джилмена и определенно должна была иметь наклонный пол. Когда юноша, воспользовавшись приставной лестницей, проник на покрытый густой паутиной чердак с совершенно горизонтальным полом, над входом в свою комнату он обнаружил стену с очевидными следами когда-то бывшего в ней проема, теперь крепко заколоченного весьма старыми на вид досками – они держались на длинных деревянных гвоздях, бывших в столь широком ходу в колониальную эпоху. Увы, сколь ни убедительны были просьбы и заверения Джилмена, флегматичный и на редкость упрямый домовладелец отказался позволить вскрыть хотя бы одно из замкнутых пространств, примыкавших к комнате.

С течением времени интерес Джилмена к тому, что могли скрывать необычная стена и потолок его новой комнаты, только возрастал – он начал думать, что величина угла между ними может иметь некий математический смысл, дающий ключ к разгадке того, для чего они

были предназначены. У старой Кеции, размышлял он, имелись же какие-то причины жить в комнате именно такой странной формы; разве не утверждала она сама, что именно посредством сочетаний определенных углов можно покинуть пределы известного нам пространства? Постепенно, однако, замкнутые пустоты за стеной и над потолком все меньше привлекали к себе внимание Джилмена – ему стало казаться, что назначение непривычной формы связано не с тем, что находится за поверхностью, а с тем, что лежит по эту сторону.

Первые симптомы нервной болезни и нездоровые сновидения появились в начале февраля. Очевидно, в течение всего времени, что Джилмен жил в комнате, необыкновенная ее форма оказывала на него в высшей степени странное, едва ли не гипнотическое воздействие: в ту холодную блеклую зиму он то и дело ловил себя на том, что все пристальнее вглядывается в линию, соединяющую наклонную стену и скошенный потолок. Примерно в то же время он стал ощущать и растущее беспокойство по поводу обнаружившейся вдруг полной неспособности сконцентрироваться на изучаемых дисциплинах – беспокойство тем более оправданное, что приближался срок очередных экзаменов. С другой стороны, чуть меньше давал о себе знать невероятно обострившийся слух. Однако, несмотря на это последнее обстоятельство, жизнь Джилмена превратилась в навязчивую и почти непереносимую какофонию; но самым ужасным было неослабевающее ощущение, что в этом хаосе присутствуют новые, неслыханные доселе звуки – они находились где-то у самой границы восприятия, быть может, имея источник вне пределов постигаемого. Что касается обычных шумов, то самые отвратительные звуки производили крысы, копошившиеся за старыми деревянными стенами. Иногда их скрытная возня казалась даже осмысленной. Из-за наклонной северной стены доносилось что-то вроде резкого сухого грохота, когда же шум исходил из заколоченной части чердака над самой комнатой Джилмена, юноша замирал в ужасе, как если бы предчувствовал нечто страшное, только и ожидающее своего часа, чтобы окончательно завладеть его разумом.

Сновидения Джилмена полностью вышли за пределы нормального; он догадывался, что причиной тому послужило одновременное чересчур глубокое изучение математики и определенных разделов древнего фольклора. Слишком много размышлял он над возможностью существования таинственных пространств, что, как подсказывали математические формулы, должны были находиться вне известного нам трехмерного мира. Слишком много размышлял он о том, могла ли старая Кеция Мейсон – ведома, несомненно, силами, превосходящими человеческий разум, – найти способ проникнуть в эти неведомые пространства. Пожелтевшие от времени страницы судебных протоколов сохранили слишком много дьявольски красноречивых свидетельств как самой колдуньи, так и ее обвинителей о существовании явлений, лежащих вне сферы чувственного опыта человека. Описания сказочного спутника ведьмы, подвижного косматого зверька, были невероятно реалистичны, несмотря даже на откровенную фантастичность некоторых деталей.

Косматая тварь, размером не более крупной крысы, была известна в городе под именем Бурого Дженкина и являлась, видимо, порождением небывалого случая массовой галлюцинации; так, в 1692-м не менее одиннадцати человек под присягой утверждали, что видели ее собственными глазами. Сохранились и более поздние, совершенно независимые свидетельства; поражала невероятная способность привести в замешательство степень их сходства. Очевидцы рассказывали, что зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Говорили также, что мерзкая тварь выполняет обязанности посыльного от старой Кеции к дьяволу, а питается она якобы кровью самой ведьмы, подобно тому, как это делают вампиры. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но, тем не менее, говорит оно на всех известных языках. Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в

беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспаленный мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без усталости сновавшая в его видениях.

Чаще всего во сне Джилмену представлялось, что он погружается в какую-то пропасть, бездну, наполненную странным сумрачным светом, исходившим из невидимого источника, и невероятно искаженными звуками. Невозможно было составить хоть сколько-нибудь отчетливое представление о материальных и гравитационных свойствах окружающего хаоса или о его воздействии на самого Джилмена. Юноша всегда ощущал во сне, что каким-то образом движется – отчасти по своей воле, отчасти подчиняясь смутному импульсу извне, – но никак не мог определить характер своих перемещений: он не шел, не карабкался, не летел, не плыл и не полз. О том, что, собственно, с ним происходило, Джилмен не мог судить с достаточной уверенностью, поскольку необъяснимое искажение перспективы лишало его возможности видеть собственное тело, руки или ноги; при этом он чувствовал, как весь его организм претерпевает удивительную трансформацию, словно он был изображен в какой-то кривой проекции, хотя и сохранял странное карикатурное сходство с тем, что было Джилменом в нормальном мире.

Пропасти ночных видений отнюдь не пустовали; они были заполнены скоплениями какого-то вещества совершенно невероятной формы и неестественно резкой окраски: некоторые из них имели, видимо, органическую природу, другие – явно неорганическую. Несколько таких органических предметов, казалось, вызывали у него смутные воспоминания о чем-то, но Джилмен не мог дать себе ясный отчет, на что, собственно, могут с таким ехидством намекать ему эти ночные образы. Позже он разделил для себя массу органических объектов на несколько, по-видимому, естественных классов, явно отличных друг от друга по способу и характеру перемещений. Из всех этих групп особенно выделялась одна, включавшая предметы, чьи движения казались более осмысленными и поддающимися логике, чем это было присуще остальным. И все же эти странные предметы – равно органического и неорганического происхождения – совершенно не укладывались в рамки категорий человеческого разума. Неорганические предметы иногда имели определенное сходство то с разнообразными призмами, то с какими-то лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, даже с циклопическими постройками; среди органических объектов Джилмен с удивлением находил и простые скопления каких-то пузырей, и некие подобию осьминогов и многоножек, и оживших индусских идолов, и наконец, отвлеченные узоры, изысканные линии которых, переливаясь, переходили одна в другую, составляя нечто вроде тела огромной змеи. Все вокруг несло в себе какую-то невыразимую угрозу, скрытый ужас; стоило Джилмену по движениям того или иного существа заподозрить, что оно заметило его, как юношу охватывал столь невыносимый, столь отвратительный страх, что он немедленно просыпался, будто от толчка.

О том, каким образом передвигались органические существа в его снах, Джилмен мог бы сообщить не больше, чем о своих собственных непостижимых перемещениях. Со временем ему открылась новая тайна – он заметил, что время от времени некоторые из объектов неожиданно возникают из пустоты и столь же неожиданно исчезают. Окружавшую его бездну наполняла ужасная смесь визжащих и ревуших голосов; невозможно было бы определить высоту, тембр или ритм этих звуков, но казалось, что они каким-то образом согласованы во времени со смутными видоизменениями являвшихся во сне предметов и существ. С обреченностью и ужасом юноша постоянно ожидал того момента, когда в своих непрерывных модуляциях этот неослабевающий рев достигнет такой силы, которую уже невозможно будет выдержать.

Но первая встреча с Бурым Дженкином произошла не здесь. Вместо чудовищной бездны для нее были подготовлены другие сны – не такие тяжелые и с видениями, более отчетливыми в своих очертаниях. Такие сны обычно предшествовали погружению в более глубокое

и страшное забвение. Лежа в темноте и борясь со сном, Джилмен обычно замечал, как его ветхую комнатку постепенно заполняет облако мягкого, искристого, как бы отраженного света, и тогда в фиолетовой дымке отчетливо проступает угол между наклонной стеной и потолком, так настойчиво привлекавший к себе его внимание в последнее время. Маленькое чудовище выпрыгивало из прогрызенной крысами дыры в углу и, постукивая коготками по широким, изъеденным временем половицам, приближалось к Джилмену, обратив к нему полную злобного ожидания бородатую мордочку, так похожую на человеческое лицо; к счастью, этот неглубокий сон милосердно рассеивался, прежде чем отвратительная тварь успевала подобраться достаточно близко, чтобы начать обнюхивать Джилмена. У Дженкина были дьявольски длинные острые клыки. Чуть ли не каждый день юноша заделывал дыру в стене, из которой появлялся Дженкин, но на следующую ночь крысы уничтожали вновь появившуюся преграду, сколь бы крепкой она ни казалась. Однажды по просьбе Джилмена хозяин дома забил отверстие куском жести, однако на завтра юноша обнаружил, что крысы прогрызли новый ход, попутно то ли вытолкнув, то ли вытащив наружу небольшой кусочек кости очень странного вида.

Дженкин решил не сообщать своему врачу об открывшейся болезни, опасаясь, как бы его не отправили в университетский лазарет как раз в тот момент, когда на счету была каждая минута; приближались очередные экзамены. Он, собственно, и так уже не сдал дифференциальное исчисление и психологию, но все же у него оставалась надежда подтянуться до конца семестра. В начале марта нечто новое появилось в тех неглубоких снах Джилмена, которые предшествовали более длительным видениям: рядом с ужасным призраком Бурого Дженкина стало появляться неясное размытое пятно, все больше напоминавшее силуэт согбенной старухи. Новый образ встревожил Джилмена гораздо больше, чем он сам мог бы ожидать; в конце концов он решил, что очертания пятна и в самом деле похожи на очень преклонных лет женщину, которую он действительно дважды встречал, прогуливаясь по темным извилистым переулкам в окрестностях заброшенных доков. Ему особенно запомнился взгляд старой карги – внешне безразличный, но на самом деле злобный и язвительный, взгляд, от которого его бросало в дрожь, при первой встрече, когда он заметил очень большую крысу, пробегающую через тенистую аллею чуть в стороне от него – ни с того ни с сего Джилмен подумал тогда о Буром Дженкине. Теперь, рассуждал он, пережитое однажды нервное потрясение вновь дает о себе знать в бессмысленном сне.

Джилмен не мог более отрицать, что атмосфера дома, в котором он поселился, была явно нездоровой; и все же прежний болезненный интерес удерживал его там. Он убеждал себя в том, что все видения вызваны исключительно его болезнью, и как только горячка пройдет, ночные чудовища отступят. Кошмары эти, однако, необычайно занимали Джилмена своей потрясающей жизненностью и убедительностью; всякий раз, просыпаясь, юноша смутно чувствовал, что во сне он испытал куда больше, чем ему удалось запомнить. Джилмен был уверен – хотя и думал об этом с отвращением, – что в тех снах, которые не сохранялись в памяти, он беседовал о чем-то с Бурым Дженкином и старухой. Они убеждали его куда-то пойти вместе с ними и встретиться с кем-то третьим, обладавшим еще большими силами, чем они. К концу марта Джилмен начал делать большие успехи в математике, хотя другие дисциплины все больше обременяли и раздражали его. Он приобрел какое-то особое математическое чутье, позволявшее ему без труда решать, к примеру, уравнения Римана, и немало поражал профессора Апхэма тонким пониманием проблем четвертого измерения и иных вопросов, которые ставили в тупик его товарищей по учебе. Однажды в аудитории обсуждалась возможность существования нерегулярных искривлений пространства и теоретическая вероятность сближения или даже соприкосновения нашего участка вселенной с другими ее областями, удаленными от нас не менее чем самые далекие звезды нашей галактики или чем сами другие галактики, а может быть, даже не менее далекие, чем такие объекты, которые, как можно предположить лишь гипотетически, находятся вне пределов Эйнштейновского континуума пространства-времени.

Всех поразило, с какой свободой владеет Джилмен этими темами, несмотря даже на то, что некоторые из его построений не могли не возбудить новых слухов о его эксцентрической нервозности и замкнутости. Однокашникам Джилмена оставалось только недоуменно пожимать плечами, когда они слушали его совершенно хладнокровные рассуждения о том, что человек – обладай он математическими познаниями, человеческому разуму все же вряд ли доступными, – мог бы одним усилием воли перемещаться с Земли на любое другое небесное тело, лежащее в одной из бесчисленных точек, составляющих узоры дальних созвездий.

Такие перемещения, утверждал далее Джилмен, требуют для своего осуществления лишь двух последовательных шагов: во-первых, выхода из известной нам трехмерной сферы и, во-вторых, входа в какую-либо иную трехмерную же сферу, возможно, бесконечно удаленную от нас. Нет оснований допускать, что в большинстве случаев подобные пространственные переходы сопряжены с угрозой для жизни. В принципе, любое существо из любой части трехмерного пространства, вероятно, могло бы совершенно безболезненно для себя находиться в четвертом измерении; что же касается второй стадии, то здесь все будет зависеть от того, какой именно участок трехмерного пространства будет выбран в качестве цепи. Обитатели одних планет вполне могут оказаться способными жить на других – даже на планетах, принадлежащих иным галактикам или сходным пространственным фазам иного континуума пространства-времени, хотя, несомненно, должно существовать значительное количество совершенно несовместимых в этом отношении небесных тел или областей космоса, будь они даже, с математической точки зрения, расположены в непосредственной близости друг от друга.

Не исключена также возможность того, что обитатели одной пространственной области способны существовать в других, пусть им неизвестных и даже не укладывающихся в их физические представления, – в мирах с определенным или неопределенным множеством дополнительных измерений, буде такие миры расположены внутри или вне данного пространственно-временного континуума; возможно, вероятно и обратное. Этот вопрос подлежит дальнейшему обсуждению, однако с полной уверенностью можно утверждать, что изменения в живом организме, сопровождающие переход с одного пространственного уровня на другой, более высокий, не сопряжены с какими-либо разрушительными последствиями для биологической целостности этого организма, насколько мы ее понимаем. Джилмен не мог с достаточной ясностью обосновать этот последний пункт своих рассуждений, но такая незначительная недоработка, несомненно, вполне компенсировалась замечательно ясным пониманием многих других очень сложных проблем. Профессору Апхэму особенно импонировали иллюстрации Джилмена к вопросу об известной близости высшей математики к некоторым сторонам древней магии, таинства которой дошли до нас из неизмеримо далеких эпох – доисторических, а может быть, и дочеловеческих, – когда познания о Вселенной и ее законах были куда шире и глубже наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.